

УДК 159.9.075

ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (АНАЛИЗ ДАННЫХ СТАТИСТИКИ)¹

© 2019 г. А. В. Юревич

*ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, Ярославская ул., д. 13, Россия.
Член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН,
доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии личности.
E-mail: av.yurevich@mail.ru*

Поступила 01.02.2019

Аннотация. Рассматривается проблема психологического состояния современного российского общества. Для количественной оценки этого состояния был применен разработанный автором композитный индекс, основанный на интеграции шести первичных показателей. Применение индекса позволило количественно оценить динамику психологического состояния российского общества с 1990 по 2017 г. Данная динамика соотносится с социально-экономическими и политическими событиями. Анализируется также динамика первичных показателей, входящих в состав композитного индекса. Приводятся данные других социологических и психологических исследований, характеризующих психологическое состояние современного российского общества и его динамику. Делается вывод о существовании социопсихосоматических влияний, состоящих в том, что социальные процессы получают отражение в психологическом состоянии граждан, которое, в свою очередь, имеет важные соматические последствия.

Ключевые слова: современное российское общество, психологическое состояние, количественная оценка, композитный индекс, динамика, социопсихосоматические влияния.

DOI: 10.31857/S020595920006077-0

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

По сложившейся в психологической науке традиции психологические статьи принято начинать с констатации актуальности темы. Не хочется нарушать эту традицию, тем более что в отечественном психологическом сообществе с некоторых пор следование традициям приветствуется больше, чем введение инноваций. Однако фраза о том, что психологическое состояние современного российского общества является актуальной проблемой, была бы тривиальной, если не вообще бессмысленной. Психологическое состояние *любого* общества является актуальной проблемой, поскольку психологические проблемы имеются даже в самом благополучном в психологическом плане обществе, особенно в современном “психологическом

обществе” [15] (наверное, более удачным был бы термин “психологизированном”), а любая социальная, экономическая и т.д. проблема имеет ярко выраженный психологический контекст. Современное российское общество не только не является исключением, но при этом, как и любое переходное общество, имеет дополнительные психологические проблемы. К тому же оно обладает психологической спецификой, связанной с такими общеизвестными факторами, как специфика российского менталитета и т.п. (подробнее см. [6]).

В этих условиях закономерно, что разнообразные исследования современного российского общества, осуществляемые в социологии, экономике и других социогуманитарных науках, неизбежно обращаются и к психологическим сюжетам, свидетельством чему могут служить, например, социологические работы, цитируемые в этой статье. Разумеется, и психологи в контексте изучения различных проблем: ценностных ориентаций, российского менталитета, доверия и др. — уделяют внимание психологическому состоянию

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-78-30035 “Психологические факторы экономической и социальной конкурентоспособности России”.

общества, при этом, как правило, давая ему негативные характеристики.

Это состояние является одним из основных объектов изучения и в рамках *макронсихологии* — психологического изучения глобальных социальных явлений, развиваемого в Институте психологии РАН [8; 10; 11; 21], в том числе на основе количественных оценок. Ее основные принципы неоднократно излагались в прежних работах автора и его коллег [20 и др.]: они соответствуют тенденции к широкому использованию *социальных индикаторов*, синхронно проявляющейся в различных социогуманитарных науках.

Количественные индикаторы психологического состояния общества, а также родственные им количественные индикаторы нравственного состояния сейчас широко распространены. Они применяются для оценки состояния не только российского общества в целом, но и для оценки и сопоставления состояния различных регионов России. Эти индикаторы допускают применение различных показателей, конкретный набор которых определяется задачей исследования, а также их доступностью и другими подобными факторами. Однако и использование стандартизированных индикаторов имеет свои преимущества, давая возможность отслеживать *динамику* психологического состояния общества и соотносить ее с другими его характеристиками. В настоящей статье эта динамика анализируется с помощью разработанного автором композитного индекса.

МЕТОДИКА

Композитный индекс психологического состояния общества включает два индекса, в свою очередь, объединяющих по три первичных показателя (рис. 1).

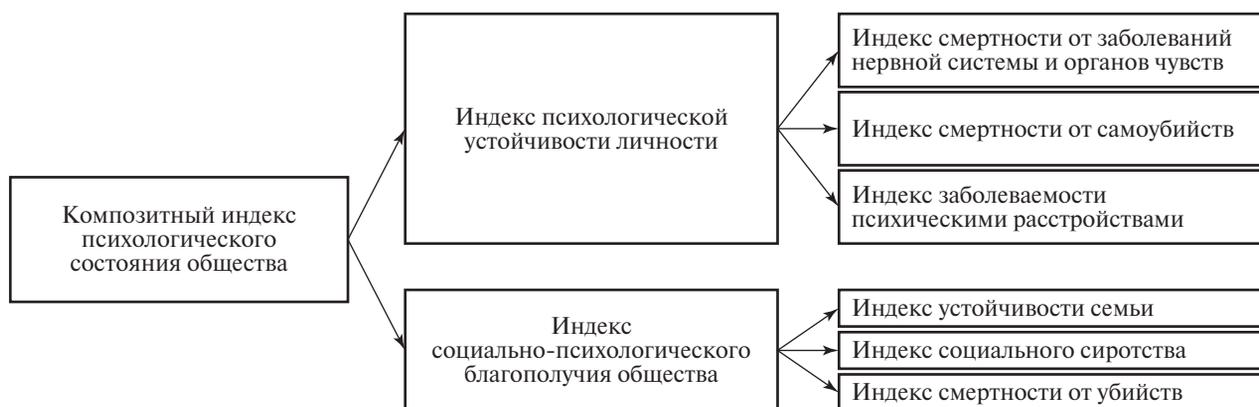

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества

Первичные индексы рассчитываются на базе удельных показателей, т.е. соотнесенных с численностью населения. Все значения показателей переводятся в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем выше значение соответствующего индикатора психологического состояния общества). Нормализация (перевод показателей в баллы) осуществляется на основе сопоставления показателей по России с аналогичными показателями развитых стран (согласно классификации ООН), разрабатываемыми соответствующими международными организациями. Первичный индекс — нормализованная оценка показателя в баллах от 1 до 10 — рассчитывается по формуле

$$Y = 9x \frac{V_{\max} - V_y}{V_{\max} - V_{\min}} + 1,$$

где V_y — значение конкретного показателя для России за определенный год, V_{\max} — максимальное значение показателя среди стран данной группы в течение рассматриваемого периода (1990—2017 гг.), V_{\min} — минимальное значение соответствующего показателя в указанном международном контексте. Вторичные индексы и композитный индекс рассчитываются как среднее арифметическое индексов более низкого порядка.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Подсчет композитного индекса на основе наиболее свежих статистических показателей (напомним с сожалением о систематически запаздывающем характере отечественной статистики) позволил выявить следующую картину (рис. 2).

Интерпретация динамики психологического состояния российского общества с 1990 по 2004 г. была дана нами ранее [20; 21 и др.]. Как видно на рис. 2, оно постоянно ухудшалось с 1991

Рис. 2. Динамика индекса психологического состояния российского общества, баллы (от 1 до 10)

по 1994 г., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило тенденцию к улучшению.

Подобную динамику несложно объяснить исходя из общих тенденций в развитии нашего общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические реформы, переход к рыночной экономике, “шоковая терапия” и т.п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению его психологического состояния. К 1994 г. произошла психологическая адаптация большей части россиян к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния, выявляемой и в других исследованиях. Но в 1998 г. случился дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части населения, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др. и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Это ухудшение продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, отражало происходящие в стране изменения, вместе с тем обнаруживая

некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического “переваривания” населением.

В дальнейшем психологическое состояние российского общества продолжало улучшаться вплоть до 2015 г. и лишь в 2016 г. обнаружило тенденцию к некоторому, хотя и малозначительному ухудшению. Этот период захватил “тучные годы”, когда цены на нефть были высоки, экономическое состояние населения в целом улучшалось и не происходило дестабилизирующих событий, за исключением “маршей несогласных” и митинга на Болотной площади, в целом мало влиявших на жизнь и психологическое состояние основной части населения. Вместе с тем он захватил экономические кризисы 2008 г. и последних лет, а также воссоединение с Крымом, войну на Донбассе, экономические санкции, обострение противостояния с Западом и др., т.е. в своей поздней части был отнюдь не спокойным. На фоне всего этого: и значимых социальных событий, как в более поздний период, так и их отсутствия, как в более ранний, — психологическое состояние нашего общества продолжало улучшаться. Здесь можно допустить три возможности. 1. Либо эти события, потенциально имеющие негативное влияние на психологическое состояние людей, такие как санкции и экономические кризисы, в действительности этого влияния не имели, и оно продолжало улучшаться в силу

каких-либо своих имманентных закономерностей. 2. Либо позитивное влияние одних событий, например воссоединения с Крымом, перевешивало негативное влияние. 3. Либо происходила *аккумуляция* психологического влияния негативных социальных событий последних лет, которая будет иметь *латентный* психологический эффект в дальнейшем. В принципе, эти возможности не противоречат друг другу, а некоторое ухудшение психологического состояния общества в 2016 г. подтверждает третью возможность. Вместе с тем и такие социальные явления, как противостояние с Западом, могут иметь позитивный психологический эффект за счет массового чувства гордости за нашу страну, удовлетворения от того, что она проводит самостоятельную внешнюю политику, и т.п., что подтверждается ростом патриотизма в нашем обществе, фиксируемым эмпирическими исследованиями [3 и др.]. А существование имманентных закономерностей изменения психологического состояния общества подтверждается его улучшением с 1994 по 1998 г. и в «спокойный» период после 2002 г., когда происходила психологическая адаптация населения соответственно к экономическим реформам начала 1990-х и экономическому кризису 1998 г. Из последнего можно заключить, что после негативных социально-экономических событий при условии их отсутствия в последующий период психологическое состояние населения улучшается, наверное, главным образом за счет адаптационных механизмов. В то же время его некоторое ухудшение в 2016 г. порождает

тревожные ожидания, проверка оправданности которых требует дальнейшего мониторинга.

Поскольку примененный для выявления динамики психологического состояния общества индекс *композиционный*, имеет смысл проследить, как изменялись в течение рассмотренного периода первичные индексы (рис. 3–8) (напомним, что чем лучше ситуация по рассмотренному показателю, тем выше значение соответствующего индекса).

Индекс смертности от самоубийств обнаружил в общем ту же динамику, что и композиционный индекс, за тем исключением, что он не только не снизился, но, наоборот, возрос в 2016 г. Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения вообще практически не изменялся. Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств почти не изменялся до 2013 г., а затем резко пошел вниз. Индекс смертности от убийств тоже изменялся синхронно с композиционным индексом, но, как и индекс самоубийств, не снизился в 2016 г. Индекс разводимости изменялся так же, как композиционный показатель, до 2005 г., а затем обнаружил сложную динамику, то снижаясь, то возрастая. Индекс социального сиротства нелинейно снижался до 2005 г., затем возрастал, а в 2016 г., как и композиционный индекс, несколько снизился.

Естественно, каждый из первичных показателей имеет самостоятельный и не только психологический смысл, и динамика каждого из них, например,

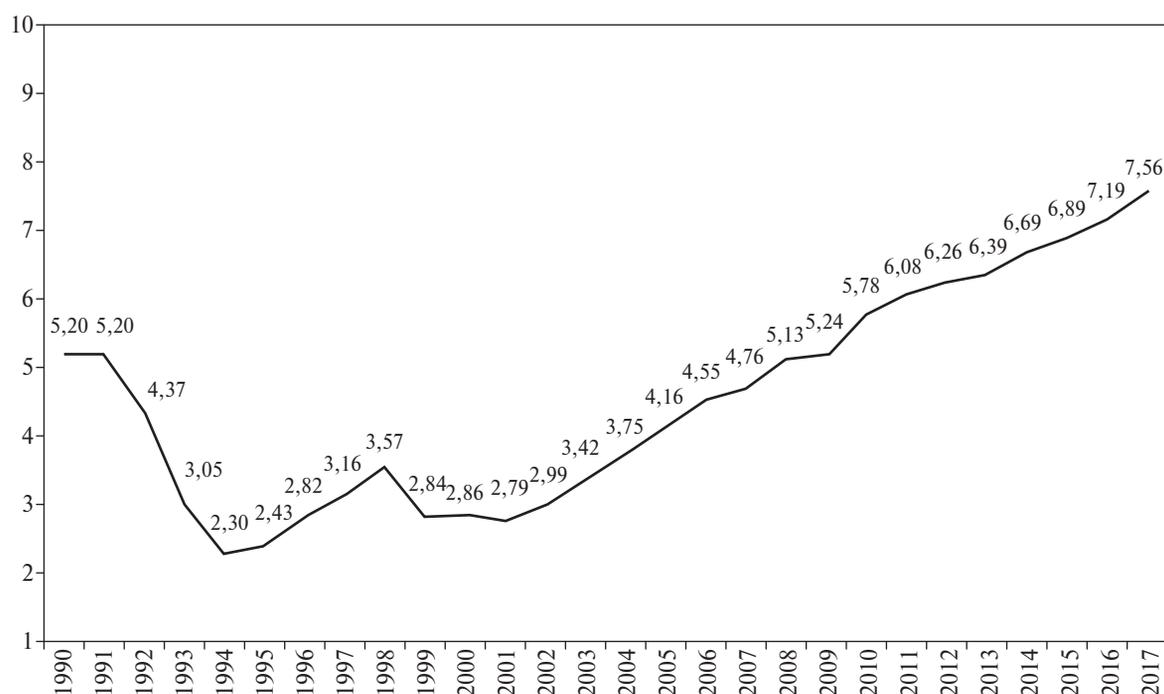

Рис. 3. Динамика индекса смертности от самоубийств, баллы (от 1 до 10)

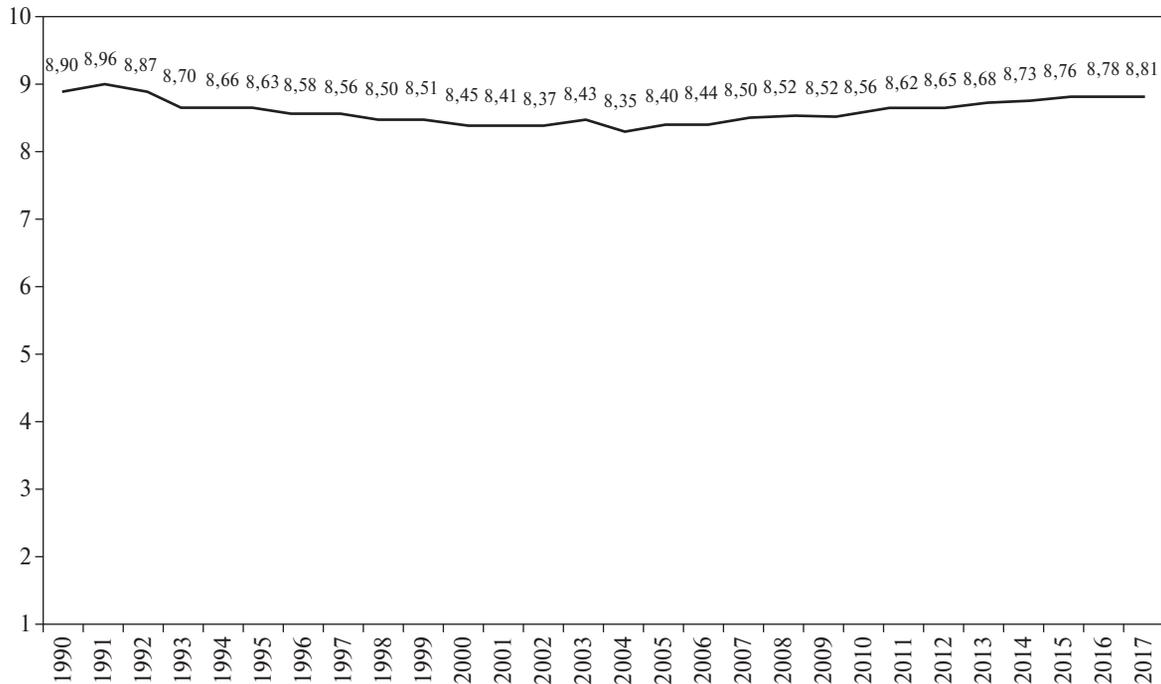

Рис. 4. Динамика индекса заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения, баллы (от 1 до 10)

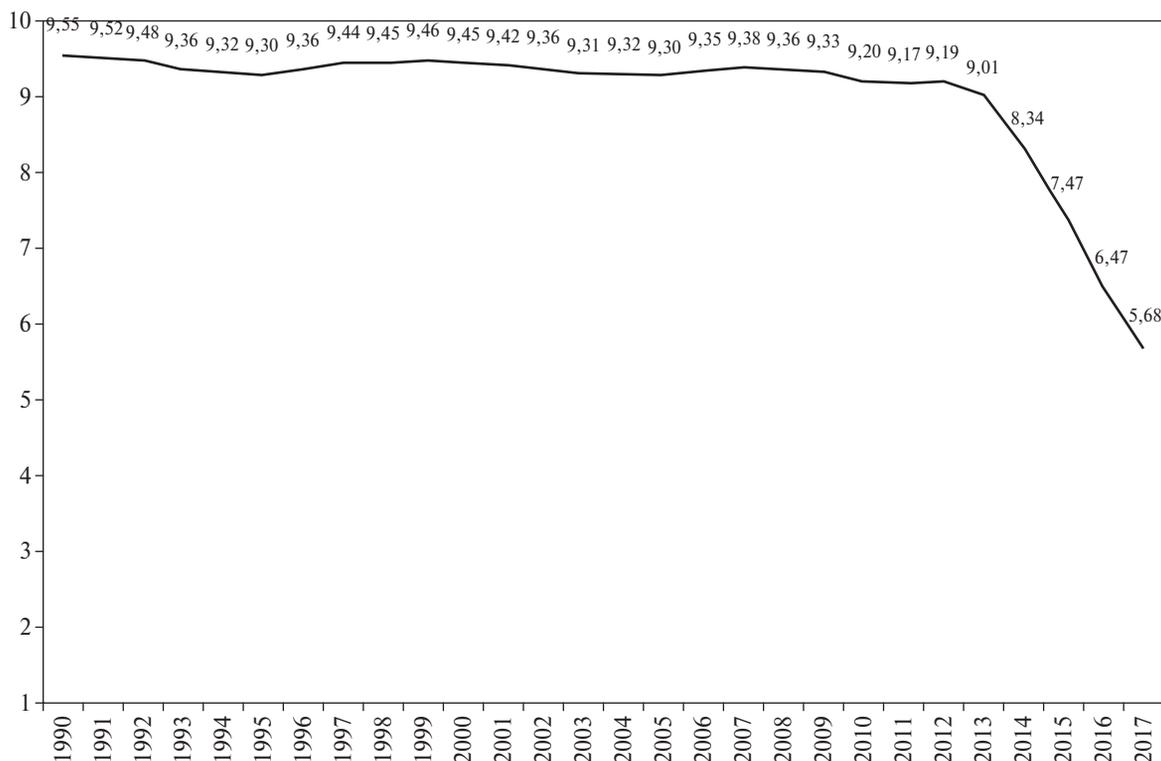

Рис. 5. Динамика индекса смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств, баллы (от 1 до 10)

количества самоубийств или социальных сирот, результирует различные факторы. Не ставя в данном контексте сложную (и имеющую самостоятельное значение) задачу анализа этой динамики, оценим ее лишь в наиболее глобальном контексте — общих изменений в нашей стране. Заболеваемость

психическими расстройствами и расстройствами поведения оказалась практически независимой от этих изменений, что, вообще говоря, плохо поддается объяснению. Смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств тоже не реагировала на наиболее существенные события

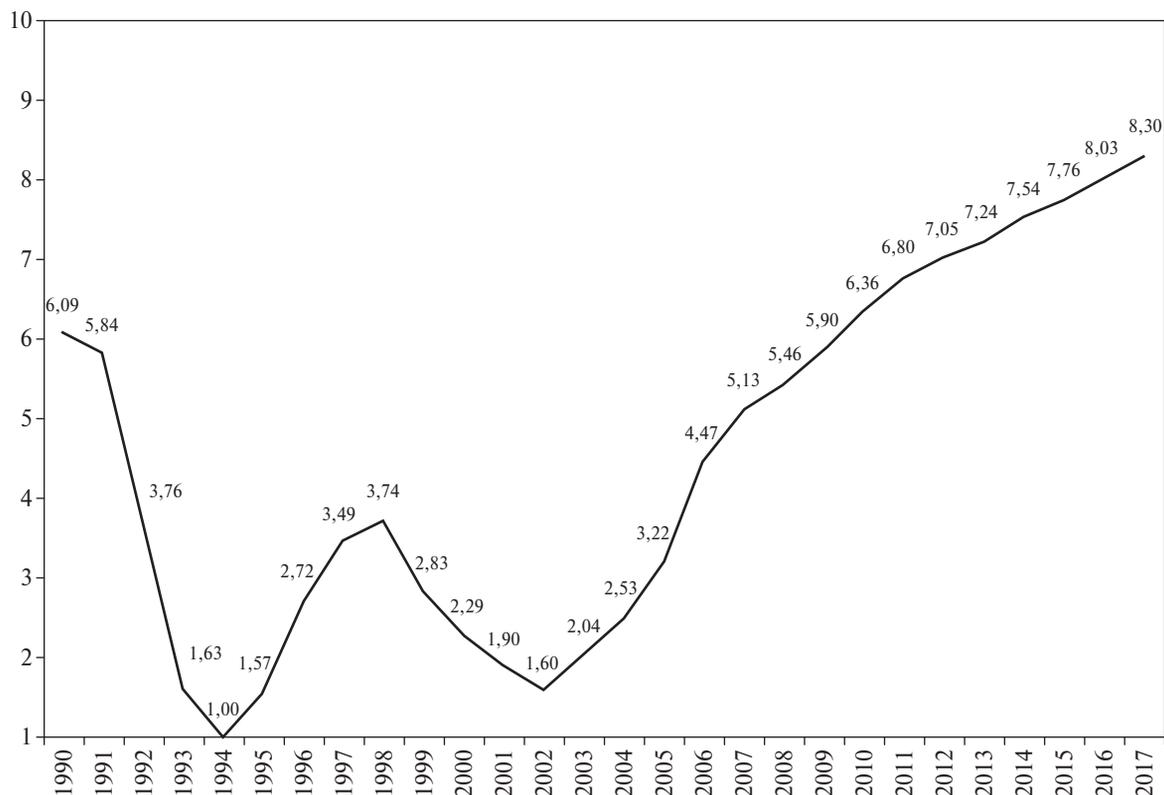

Рис. 6. Динамика индекса смертности от убийств, баллы (от 1 до 10)

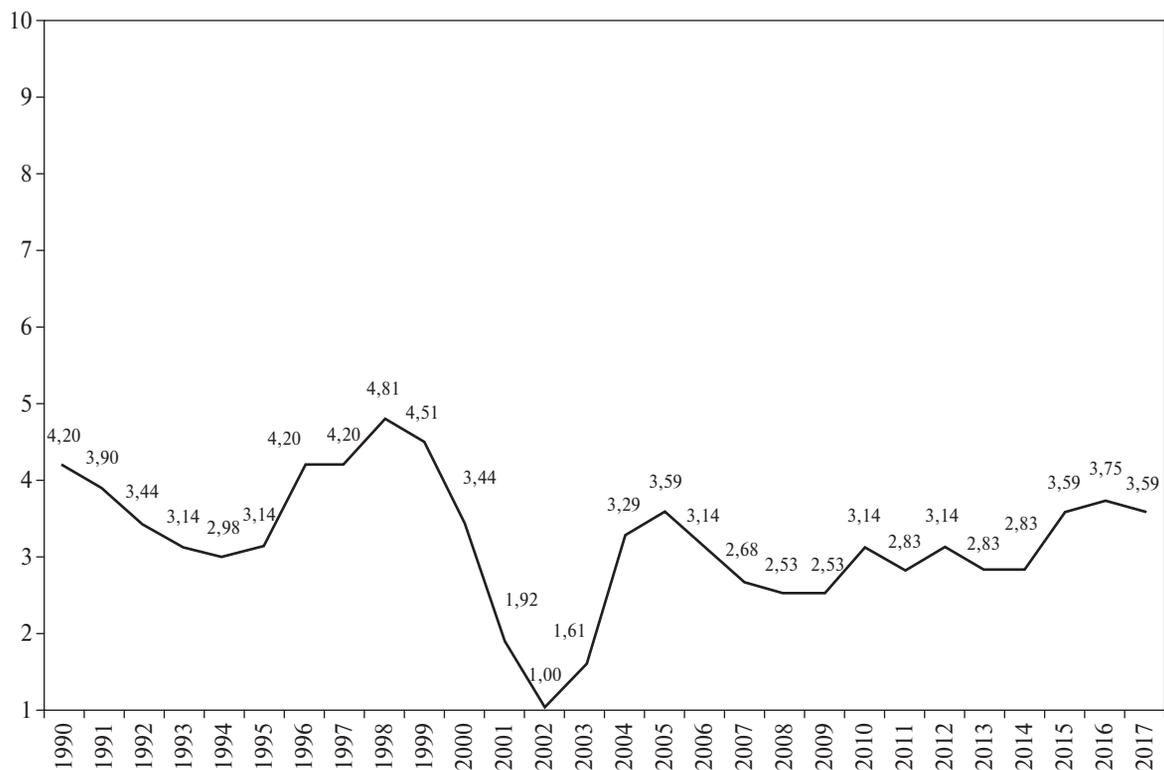

Рис. 7. Динамика индекса разводов, баллы (от 1 до 10)

Рис. 8. Динамика индекса социального сиротства, баллы (от 1 до 10)

в жизни российского общества до 2013 г., что тоже малопонятно, а затем стала резко возрастать. Последнее можно объяснить тем, что этот индекс либо очень быстро реагировал на события последних лет (но тогда странно, что он практически не отражал более ранние существенные события, например дефолт и экономические кризисы), либо *аккумулирует* в себе более ранние события. Социальное сиротство, во многом зависимое от социально-психологической атмосферы в семьях и т.п., по всей видимости, является наиболее “запаздывающим” показателем, реагирующим на социальные изменения с большим временным лагом. Кроме того, его масштаб, вероятно, существенно сократился под влиянием программы поддержки материнства и других государственных программ. Количество разводов чутко отражало социальные изменения в стране до 2005 г., а затем изменялось скачкообразно, по всей видимости, попав под влияние каких-то других факторов. Отметим, что в отличие от других первичных показателей психологического состояния общества этот показатель не носит однозначно *негативного* характера (см. [20]), и, хотя распад семьи принято считать негативным событием, он может приводить к формированию более счастливой семьи, может быть следствием улучшения экономического состояния общества, тесно связан с такими факторами, как любовь и ее угасание, и т.п. Что же касается убийств и самоубийств, то они обнаружили в целом ту же динамику и зависимость от социальных

событий, что и композитный индекс, с тем различием, что они не снизились в 2016 г. Последнее, очевидно, говорит о том, что происходящее в нашем обществе в последние годы пока не склоняет россиян ни к убийствам, ни к самоубийствам, а порождает другие формы психологического и социального реагирования.

Наибольшую тревогу из рассмотренных первичных показателей вызывает смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств, резко возрастающая с 2013 г., на которую органам власти, безусловно, стоит обратить внимание. По всей видимости, за ней стоят какие-то сложные механизмы *соматизации* социальных процессов: социопсихосоматизации, приводящие к тому, что эти процессы могут иметь не всегда понятные психосоматические последствия.

По поводу же композитного индекса в целом можно констатировать, что он является *результатирующей* показателем, которые, хотя и обнаруживают некоторые элементы общей динамики, в то же время не всегда вписываются в нее, иногда обнаруживая и собственную динамику. Это обстоятельство, возможно, в какой-то мере ставит под сомнение правомерность единого композитного индекса (отчасти напоминающего “среднюю температуру по больнице”), но скорее является следствием сложности и многокомпонентности такого понятия, как психологическое состояние общества.

ДРУГИЕ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Имеет смысл соотнести выявленную картину с другими оценками психологического состояния российского общества, не претендуя на исчерпывающую подборку таких оценок.

По данным социологов, даже в самый тяжелый кризисный период 2009 г. количество пессимистов в России составляло лишь 14%, а 67% считало ситуацию тяжелой, но не катастрофической [12].

Экономический кризис 2014–2015 гг. привел к менее резким изменениям в умонастроениях граждан, чем это было в 2008–2009 гг. Осенью 2014 г. доля оптимистов в стране хотя и незначительно, но все же превышала долю пессимистов (соответственно 45 и 43%). Начавшийся кризис на уровне страны в целом был воспринят россиянами относительно спокойно и отнюдь не качественно изменил их мироощущение. Это явление социологи объясняют тем, что либо наши сограждане постепенно привыкают к кризисам, либо масштаб воздействия на них кризиса 2014–2015 гг. был меньшим, чем в кризисные периоды 1998–1999 и 2008–2009 гг.

Социально-психологический климат в стране был не так плох, как этого следовало ожидать исходя из опыта 1998 и 2008 гг. Так, оценивая социально-психологическое состояние окружающих их людей, в 2014 г. 42% россиян, а в 2015 г. 36% оценили его как позитивное: эмоциональный подъем, спокойствие, уравновешенность; а как негативное: безразличие, апатия, тревога, раздраженность, озлобленность, агрессия — в 2014 г. 58%, а в 2015 г. — 64%. При этом из негативных социально-психологических состояний преобладала тревога (36%). Таким образом, делают выводы авторы этого исследования, кризис негативно повлиял на настроения россиян, однако, во-первых, не очень сильно, во-вторых, вызвал при этом вовсе не стремление идти на баррикады (что происходит, когда населению, как кажется, терять уже нечего), а более прозаическое чувство тревоги.

Динамика оценок личного социально-психологического состояния выглядит следующим образом: позитивное состояние (эмоциональный подъем, спокойствие, уравновешенность) у себя констатировали в 1998 г. 11%, в 1998 г. — 14%, в 2000 г. — 20%, в 2001 г. — 33%, в 2002 г. — 34%, в 2009 г. — 53%, в 2013 г. — 63%, в 2014 г. — 54%, в 2015 г. — 49%, а негативное социально-психологическое состояние (безразличие, апатия, подавленность, тревога, страх, раздраженность,

озлобленность, агрессия) — в 1998 г. — 89%, в 1999 г. — 86%, в 2000 г. — 80%, в 2001 г. — 67%, в 2002 г. — 66%, в 2009 г. — 47%, в 2013 г. — 37%, в 2014 г. — 46%, в 2015 г. — 51% [12]. Таким образом, налицо позитивная динамика личного социально-психологического состояния россиян с 1998 по 2014 г., лишь в 2015 г. сменившаяся на умеренно негативную. 2015 г. продемонстрировал некоторое продолжение негативной динамики: позитивное личное социально-психологическое состояние отметили 47%, а негативное — 53%. При этом существенную динамику обнаружила только одна негативная позиция: чувства безразличия, апатии и подавленности стали проявляться в два раза чаще. Хуже обстояло дело с оценкой россиянами социально-психологического состояния своего окружения, которое в 2016 г. позитивно оценила только треть опрошенных, причем более половины респондентов констатировали в этом окружении такие чувства, как тревога, раздраженность, озлобленность и агрессия. Полученные данные социологи резюмируют выводом о том, что весной 2016 г. социальное самочувствие россиян было довольно мрачным [13].

При этом обнаружилась тенденция к более позитивной оценке личного социально-психологического состояния по сравнению с оценкой социально-психологического состояния окружающих и ситуации в стране в целом, что воспроизводит выявляемый во многих социально-психологических исследованиях феномен, не имеющий простого объяснения.

Явный психологический смысл имеет и оценка социальной напряженности в нашем обществе. Сочли, что эта напряженность существенно или немного снижается, 21% в 2008 г., 4% в 2009 г. и 21% в 2015 г., что она существенно или немного возрастает — 57% в 2008 г., 78% в 2009 г. и 64% в 2015 г., что она остается без изменений — 32.1% в 2008 г., 13.1% в 2009 г. и 15% в 2015 г. Как видим, здесь динамика непростая и неоднонаправленная [12].

В 2013 г. наиболее оптимистические чувства как в восприятии ситуации в стране в целом, так и в личном социально-психологическом состоянии наблюдались у жителей мегаполисов, что, как отмечают авторы исследования, типично для стран догоняющего развития, где крупные города и в первую очередь столицы являются средоточием экономической жизни (добавим, что в России различия в уровне жизни города и деревни существенно большие, чем в большинстве европейских стран). При этом крупные города первыми принимают на себя последствия экономических кризисов, и горожане вообще более критичны. Поэтому

именно у них произошло резкое снижение вычисляемого социологами *индекса спокойствия* как на уровне оценки ситуации в стране (на 14 баллов), так и на личном уровне (на 20 баллов). То есть горожане и более оптимистичны, но в то же время и более возбудимы, чем сельские жители.

Представляет психологический интерес и вопрос о *динамике психологических качеств россиян*. Как показывают опросы, сами россияне считают, что человеческие качества их соотечественников изменились за постсоветский период не в лучшую сторону. Отвечая на вопрос «Как, на ваш взгляд, изменились люди и отношения между ними за последние 10–15 лет?», они констатировали резкое снижение таких качеств, как доброжелательность, душевность, искренность, бескорыстие, честность, ослабление которых отметили 59–61% опрошенных. При этом большая часть респондентов отметила рост агрессивности и цинизма. В то же время сравнение результатов опросов, проведенных в 2012 и 2015 гг., продемонстрировало, что в этот период наметилась тенденция к усилению позитивных и ослаблению негативных качеств.

Относительно деловых качеств россиян (активность, целеустремленность, инициативность) обнаружился разброс оценок: 33% считают, что за последние 10–15 лет они усилились, и почти столько же — 32% — что они ослабли, и это противоречит расхожему представлению о том, что деловые качества россиян однозначно нарастают: очевидно, у кого-то они нарастают, у кого-то, особенно у тех, кто не вписался в специфический вариант рыночной экономики, снижаются.

А вот в отношении таких качеств, как образованность, способность к сотрудничеству, трудолюбие, большинство респондентов констатируют либо отрицательную динамику, либо отсутствие изменений. Причем в данном плане и в период 2012–2015 гг. наблюдалась негативная динамика.

Похожую динамику демонстрируют качества, которые авторы исследования относят к категории социальных, но которые при этом имеют и ярко выраженную психологическую составляющую. Большинство опрошенных констатируют снижение за последние 10–15 лет уважения к старшим и к женщинам, верности товарищам, доверия друг к другу, ответственности за то, что происходит вокруг, патриотизма, хотя и в этом плане сравнение 2012 и 2015 гг. демонстрирует позитивную тенденцию [12].

Эти данные в сочетании с приведенными выше результатами о динамике психологического состояния россиян демонстрируют, что психологическая

адаптация к новым условиям жизни в России происходит ценой изменения психологического облика, в котором доброжелательность, душевность, искренность, бескорыстие, честность постепенно стираются, вытесняются такими качествами, как агрессивность и цинизм. Как пишет А.Н. Шаров, «наблюдаемый период в развитии современного российского общества можно охарактеризовать как время достаточно высокой адаптивности населения к сложившейся в обществе ситуации, но также и как время напряженных ожиданий и опасений, обусловленных как сравнительно низким уровнем жизни основной массы населения страны, так и ощущением “ненадежности” человеческого существования в этих условиях» [19, с. 121].

Данные социологов демонстрируют, что после небольшого улучшения оценок ситуации в стране в конце 2015 г. весна 2016 г. принесла очередной всплеск массовых тревожных умонастроений. Количество россиян, оценивающих ситуацию в России как напряженную, достигло 65%, а доля тех, кто воспринимает ее как спокойную и нормальную, снизилась до 18%. В то же время количество так называемых катастрофистов осталось практически неизменным и составило 8%. Позитивное же личное социально-психологическое состояние (эмоциональный подъем, спокойствие и уравновешенность) отметили 50% [13]. Выявился и характерный для кризисных периодов социально-психологический феномен: люди воспринимают прошлое намного лучше, чем настоящее и будущее [Там же].

Данные опросов, проводимых психологами, в целом соответствуют социологическим данным. Так, опрос петербуржцев, проведенный в 2012 г., продемонстрировал, что две трети опрошенных либо полностью удовлетворены, либо скорее удовлетворены, чем не удовлетворены своей жизнью, а доля полностью неудовлетворенных ею составила лишь 6.8% [19]. При этом 83.6% опрошенных либо уверены, что с ними и их близкими и в будущем все будет хорошо, и испытывают лишь некоторую, но весьма незначительную тревогу за будущее, а ожидание крупных неприятностей, страх перед будущим — 15.9% петербуржцев [Там же].

В целом же психологи обычно дают довольно негативные характеристики социально-психологической атмосферы в нашем обществе, правда, как правило, имея в виду не тенденции последних лет, а ситуацию, наблюдающуюся с начала постперестроечного периода. Они пишут о том, что «психопатологические явления общественного и индивидуального сознания значительно усилились в постперестроечный период в связи с массивным давлением ценностей и норм, не совместимых с ее

(России. — А.Ю.) традиционными архетипами” [4, с. 237], “отмечается повышение напряженности в семейных отношениях, ухудшение взаимоотношений между поколениями, разрыв семейных связей, дефицит эмоциональной близости в семье, нарастание взаимного равнодушия, рост конфликтности и криминогенности семейной среды” [14, с. 164], “социальная среда сегодня агрессивна, особенно в отношении молодого поколения. Огромное число факторов социального риска обрушиваются на молодежь с самого начала ее сознательной жизни” [Там же, с. 153] и т.п.

Психологи также считают, что наиболее тревожной тенденцией, особенно отчетливо проявляющейся среди российской молодежи, является снижение коллективизма, традиционно считавшегося одной из главных характеристик российского менталитета, и, соответственно, повышение уровня индивидуализма, причем его наиболее асоциального варианта, характеризующегося ущемлением интересов других людей [1].

Н.А. Журавлева на основе осуществленных ею эмпирических исследований также приходит к выводу о том, что у молодежи происходит переориентация с общественных проблем на личные, коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными, возрастание значимости для личности денег сопровождается снижением в иерархии ценностных приоритетов ориентаций на творчество, познание, общение с друзьями и честность. А в иерархии ценностных приоритетов старших школьников снижается вес альтруистических ценностей — любви и чуткости [2]. Эти данные получены на молодежных группах, но трудно не согласиться с тем, что “именно в молодежной среде формируется новый тип личности, который будет доминировать в будущем” [Там же, с. 185].

Можно предположить, что российское общество просто становится *другим*, не таким, каким оно было традиционно, новые ценности и новые ценностные иерархии постепенно принимаются массовым сознанием, что не должно приводить к ухудшению психологического состояния общества. Однако есть и другое мнение. Во-первых, одни его члены, особенно молодежь, принимают новые ценности, другие нет, и у последних их внедрение, как и их принятие определенной частью общества, может порождать негативные эмоции и ухудшать психологическое состояние. Во-вторых, внедрение ценностей, противоречащих основным характеристикам российского менталитета, по мнению некоторых людей, вызывает болезненные для общества процессы, негативно сказывающиеся на его

психологическом и, возможно, соматическом состоянии. Такое мнение высказывает протоиерей Вадим Леонов: “Попытки как-либо вытеснить или подавить стыд с помощью развлечений, самооправдания, лжи и т.д. приводят к глубоким духовным травмам, влекущим различные психические и физиологические последствия (неврозы, фобии, бессонница, головные и сердечные боли и т.д.)” [7, с. 156]. Однако подобные выводы нуждаются в эмпирической проверке.

Некоторые психотерапевты отмечают, что в последнее время в общественном сознании намечается возврат синдрома 1990-х годов: пациенты часто обращаются с жалобами на тревожно-подавленное внутреннее состояние, значительное снижение работоспособности, утрату вкуса к жизни, рассеянность и т.п. [4]. Они подчеркивают такую характеристику современного общественного сознания россиян, как психическая диссоциация, т.е. разъединенность нормального целостного функционирования психики, ее неуравновешенность и перегруженность фрустрационными состояниями, а также социальное отчуждение, потеря личностной идентичности, одиночество [Там же].

Вместе с тем отмечают и позитивные тенденции в динамике психологического состояния общества, в частности снижение количества молодых россиян, которые испытывают беспокойство или страх перед будущим [5].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные с помощью макропсихологического композитного индекса данные о динамике психологического состояния российского общества соответствуют данным социологов, демонстрирующим его улучшение на протяжении длительного периода и некоторое ухудшение в последнее время, и расходятся с мнением психологов, дающих ему в основном негативные характеристики.

Строго говоря, в этом несовпадении нет противоречия. Во-первых, подсчитанный нами индекс характеризует *динамику* психологического состояния российского общества, в то время как психологи дают ему в основном статичную характеристику, часто вытекающую из результатов исследований, проведенных в прежние годы, и подчас имеющую запаздывающий характер. Во-вторых, психологи чаще характеризуют психологические качества сограждан и *нравственную* атмосферу в обществе, конечно, связанную с его психологическим состоянием, но не простой связью, особенно с теми характеристиками общества, которые

учитываются композитным индексом. Что же касается данных социологов, то они, будучи основанными на результатах опросов, фиксируют несколько более раннее наступление тенденции к ухудшению — в 2015 г., нежели композитный индекс, основанный на показателях, имеющих латентный характер.

В то же время, абстрагируясь от различий в конкретных оценках, следует в заключение подчеркнуть, что мы живем в достаточно *напряженном*, в том числе и в психологическом плане, обществе, что вообще характерно для переходных социумов. Экономический кризис, противостояние с Западом, причем впервые в нашей истории с *консолидированным* Западом (в прежние годы Россия противостояла одним западным странам, имея в союзниках другие), санкции, отсутствие внятной национальной идеи, огромное имущественное расслоение в современной России и другие подобные факторы создают в обществе напряженную ситуацию, которая неизбежно проецируется и на психологический уровень. Как показывают данные социологов, эта напряженность порождает у людей не рост протестных и революционных настроений, а возрастание тревожности, апатии, неуверенности в завтрашнем дне и другие негативные психологические состояния. Эти состояния, в свою очередь, неизбежно *соматизируются*, вызывая психические расстройства, нервно-психические заболевания, психосоматические болезни и т.п. При этом подобные явления носят запаздывающий характер по отношению к социальным процессам, являясь результатами *психологической аккумуляции* реакции населения на них. В свою очередь, эти продукты производят социальный эффект, который может серьезно угрожать стабильности общества.

В данной связи уместно обратиться к П. Тиллиху, который показал, что в разные периоды истории человеческой цивилизации преобладала та или иная конкретная форма тревоги, которая проявлялась на закате соответствующей исторической эпохи [17]. Наблюдение Тиллиха, видимо, можно развить в том направлении, что не только закаты эпох, но и начало новых, пришедших им на смену сопровождается соответствующим видом тревоги, неизбежно порождаемой необходимостью психологической адаптации к новому социальному порядку. К. Хорни, рассматривая специфические для США 1930-х годов формы тревоги и невротических защит, показывает, что они порождены определенными экономическими и социальными факторами, в частности тем, что принцип индивидуального соперничества, пронизывающий экономическую жизнь, создает напряженность между людьми,

установку на конкуренцию и переживание эмоциональной изоляции, которые на фоне традиционной христианской морали, укорененной в личности западного человека, создают противоречивую систему ценностей, приспособление к которой вызывает тревогу и невротические расстройства [19]. Р. Мэй считает [9], что тревога у современного человека возникает не столько из-за страха неудовлетворения либидо или отсутствия безопасности, сколько из-за страха перед своими возможностями и чувства вины из-за их неполной реализации. Похожие идеи высказывают Дж. Фурст [18] и другие исследователи.

Эти наблюдения и соображения применимы и к современной России. Однако сказанное, разумеется, не должно порождать тотальный пессимизм, который и в социальном, и в психологическом плане разрушителен для общества, тем более что и отмеченные позитивные психологические тенденции достаточно существенны. Адекватное понимание глубинных, не лежащих на поверхности, сложных социопсихосоматических процессов, неизбежной соматизации социальных явлений необходимо для достижения одной из основных *социальных* целей всей отечественной социогуманитарной науки — улучшения состояния общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боечко Н.И.* Экономические реформы, ценности и российская полиментальность // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 48–68.
2. *Журавлева Н.А.* Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, М.И. Воловиковой, Т.В. Галкиной. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014. С. 171–191.
3. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
4. *Зобов Р.А., Матвеев А.М., Сугакова Л.И.* Проблема здоровья человека в современном обществе // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. С. 233–240.
5. *Козлов А.А., Утишева Е.В.* Проблематика социального здоровья и здорового образа жизни молодежи (на материале социологического исследования) // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С. 124–143.

6. *Кольцова В.А., Журавлев А.Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
7. *Леонов В.* Основы православной антропологии: Учебное пособие. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной церкви, 2013.
8. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
9. *Мэй Р.* Открытие Бытия. Очерки экзистенциальной психологии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
10. Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, Д.А. Кирова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
11. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
12. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015.
13. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2016.
14. *Самсонова Т.И.* Компетентность молодого поколения и будущее российского общества // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 150–166.
15. *Сироткина И.Е., Смит Р.* “Психологическое общество”: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 114–121.
16. *Тиллих П.* Мужество быть // Пауль Тиллих. Избранное: теология культуры. М.: Юрист, 1995.
17. *Фурст Дж.Б.* Невротик: его среда и внутренний мир. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
18. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс, 1993.
19. *Шаров А.Н.* Петербуржцы 2012: проблемы и перспективы // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / Под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 121–132.
20. *Юревич А.В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
21. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.

THE EXPERIENCE OF EMPIRICAL ESTIMATE OF PSYCHOLOGICAL STATE OF MODERN RUSSIAN SOCIETY (STATISTICAL DATA ANALYSIS)²

A. V. Yurevich

*Institute of Psychology RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.
Corresponding member of the RAS, ScD (psychology), professor,
deputy director of the Institute of psychology RAS. E-mail: a.v.yurevich@mail.ru*

Received 01.02.2019

Abstract. The problem of psychological state of modern Russian society is in the focus of the analysis. For the purposes of the quantitative estimation of this state the author used a Composite index elaborated by him and based on the integration of 6 primary indicators. Using the Index allowed to estimate quantitatively the dynamics of psychological state of Russian society from 1990 to 2017. The author analyses this dynamics in relation to social-economic and political events. The dynamics of primary indicators united by Composite index is also under analysis. The results of other investigations — sociological and psychological, characterizing the psychological state of modern Russian society and its dynamics are presented. The author comes to the conclusion about the existence of socio-psycho-somatic influence implied in the fact that social processes are reflected in the psychological state of citizens which in its turn has important somatic consequences.

Keywords: modern Russian society, psychological state, quantitative estimation, Composite index, dynamics, socio-psycho-somatic influence.

² This work was supported by Russian Science Foundation, project № 17-78-30035 “Psychological factors of economical and social competitiveness of Russian Federation”.

REFERENCES

1. *Boenko N.I.* Ekonomicheskie reformy, cennosti i rossijskaya polimental'nost' // Social'nye i mental'nye tendencii sovremennogo rossijskogo obshchestva / Ed. V.E. Semenov. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. P. 48–68. (In Russian).
2. *Zhuravleva N.A.* Aktual'nye tendencii v cennostnykh orientatsiyah molodezhi v sovremennom rossijskom obshchestve // Psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti i duhovno-nravstvennyye problemy sovremennogo rossijskogo obshchestva / Eds. A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, T.V. Galkina. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2014. P. 171–191. (In Russian).
3. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Patriotizm kak ob'ekt izucheniya psikhologicheskoy nauki // Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 3. P. 88–98. (In Russian).
4. *Zobov R.A., Matveev A.M., Sugakova L.I.* Problema zdorov'ya cheloveka v sovremennom obshchestve // Rossijskoe obshchestvo: problemy social'nogo soglasiya i razvitiya / Ed. V.E. Semenov. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014. P. 233–240. (In Russian).
5. *Kozlov A.A., Utisheva E.V.* Problematika social'nogo zdorov'ya i zdorovogo obraza zhizni molodezhi (na materiale sociologicheskogo issledovaniya) // Social'nye i mental'nye tendencii sovremennogo rossijskogo obshchestva / Ed. V.E. Semenov. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005. P. 124–143. (In Russian).
6. *Kol'cova V.A., Zhuravlev A.L.* Suchnostnye harakteristiki i faktory formirovaniya rossijskogo mentaliteta // Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 3. P. 5–17. (In Russian).
7. *Leonov V.* Osnovy pravoslavnoj antropologii: Uchebnoe posobie. Moscow: Izd-vo Moskovskoj Patriarhii Russkoy Pravoslavnoj cerkvi, 2013. (In Russian).
8. Makropsihologiya sovremennogo rossijskogo obshchestva. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2009. (In Russian).
9. *Mehj R.* Otkrytie Bytiya. Ocherki ehkzistencial'noj psikhologii. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2004. (In Russian).
10. Problemy socialnykh konfliktov v sovremennoy psikhologii: suschnost, determinanty, regulirovanie / Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Sosnin, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian).
11. Psikhologicheskie issledovaniya globalnykh processov: predposylki, tendencii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. (In Russian).
12. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya // Eds. M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov. Moscow: Ves' mir, 2015. (In Russian).
13. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaya // Eds. M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov. Moscow: Ves' mir, 2016. (In Russian).
14. *Samsonova T.I.* Kompetentnost' mladogo pokoleniya i budushchee rossijskogo obshchestva // Rossijskoe obshchestvo: problemy social'nogo soglasiya i razvitiya / Ed. V.E. Semenov. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014. P. 150–166. (In Russian).
15. *Sirotkina I.E., Smit R.* "Psikhologicheskoe obshchestvo": k harakteristike fenomena // Psikhologicheskii zhurnal. 2006. V. 27. № 1. P. 114–121. (In Russian).
16. *Tillih P.* Muzhestvo byt' // Paul' Tillih. Izbrannoe: teologiya kul'tury. Moscow: Yurist, 1995. (In Russian).
17. *Furst Dzh.B.* Nevrotik: ego sreda i vnutrennij mir. Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury, 1957. (In Russian).
18. *Horni K.* Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz. Moscow: Progress, 1993. (In Russian).
19. *Sharov A.N.* Peterburzhcy 2012: problemy i perspektivy // Rossijskoe obshchestvo: problemy social'nogo soglasiya i razvitiya / Ed. V.E. Semenov. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2014. P. 121–132. (In Russian).
20. *Yurevich A.V.* Psihologiya social'nykh yavlenij. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2014. (In Russian).
21. *Yurevich A.V., Zhuravlev A.L.* Makropsihologicheskoe sostoyanie sovremennogo rossijskogo obshchestva // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. 2012. № 2. P. 137–140. (In Russian).